

Ночь окутала поместье.

Передний двор усадьбы Цзин-вана всё еще был залит светом фонарей. Цзи Сюнь, скрестив ноги, сидел в низком кресле у самой воды и с невозмутимым видом удил рыбу.

Ветер пробирал до костей, но князь сидел с широко распахнутым воротом и босой. Он небрежно прихлебывал холодное вино, лениво наблюдая за павлиньим пером, служившим поплавком и замершим на зеркальной глади озера. В деревянном ведре рядом с креслом плавала кверху брюхом рыбешка размером с ладонь.

Цзи Сюнь терпеливо ждал, когда на крючок попадет добыча покрупнее.

Стоило Ванье взяться за удочку, как весь передний двор погружался в мертвую тишину. Слуги боялись даже дыхнуть, опасаясь, что на них падет вина за плохой клев.

Внезапно безмолвие нарушил звук торопливых шагов.

В тот же миг поплавок, неподвижно замерший на воде, дернулся. Бровь Цзи Сюня дрогнула; легким движением запястья он подсек рыбу и без труда вытянул её из воды. На этот раз на крючке оказался не обычный карась, а прекрасный золотой карп.

Князь неспешно снял рыбку с крючка и бережно отпустил её обратно в озеро. К этому времени звук шагов стал совсем близким — кто-то бежал по деревянному настилу, и доски гулко отзывались под его ногами.

— Ван... Ванье!

Цзи Сюнь не обернулся. Он лениво потянулся к стоявшей на столике чаше с темным отваром, напоминающим лекарство, и уже собирался выпить его залпом, когда чья-то рука резко вцепилась в его запястье.

Чу Чжаохуай бежал из самого заднего двора. Волосы его растрепались, лицо пылало, а дыхание сбилось настолько, что он едва мог вымолвить слово:

— Ванье... По... стойте.

От природы слабый здоровьем, он из-за недуга сердца почти никогда не позволял себе резких движений. Короткая пробежка довела юношу до полного изнеможения — грудь ходила ходуном, а воздуха катастрофически не хватало.

Цзи Сюнь нахмурился. Он перехватил руку супруга и властным жестом усадил его в свое узкое кресло.

Чжаохуай продолжал судорожно хватать ртом воздух. На глаза невольно навернулись слезы, губы пугающе побледнели. Каждый вдох давался ему с огромным трудом.

Князь, не ожидавший, что здоровье юноши окажется настолько слабым, отставил чашу в сторону. Он мягко обхватил Чжаохуая за затылок, а другой ладонью прикрыл его рот, шепча, точно ребенку:

— Не спеши. Дыши медленнее.

Лекарю было невыносимо плохо. Он невольно моргнул, и слезы покатались по щекам, оставляя влажный след на тыльной стороне ладони Цзи Сюня. Этот жаркий след заставил зрачки князя дрогнуть.

Горячие губы юноши касались прохладной кожи. Чжаохуаю было трудно дышать носом, и он попытался вскинуть голову, чтобы освободиться от чужой руки и вдохнуть ртом.

Но Цзи Сюнь лишь сильнее прижал ладонь, недовольный сопротивлением:

— Будь паинькой.

Чжаохуаю оставалось лишь часто моргать влажными ресницами и стараться выровнять дыхание. Прошло немало времени, прежде чем он наконец пришел в себя. Ладонь князя была ледяной, и под жарким дыханием юноши на ней проступили капельки влаги.

— Ванъе... — Чу Чжаохуай, едва отдышавшись, решительно отвел руку мужчины. Он всё еще помнил, зачем пришел. — Где тот фальшивый Шэньи? Куда он делся?

Цзи Сюнь с трудом перевел взор с его лица на удочку.

— Какой еще фальшивый Шэньи? — рассеянно переспросил он.

— Ну как же! Бай Цзи! — воскликнул Чжаохуай. — Разве не он должен был излечить вас от яда?

— А-а, — протянул князь, снова потянувшись к чаше. — У Ванфэй есть к нему дело?

Юноша впился взглядом в содержимое чаши. Темная жидкость источала сладковатый аромат — должно быть, это и было снадобье, выписанное самозванцем. Чжаохуай снова преградил ему

путь:

— Погодите, это нельзя пить!

Цзи Сюнь поднял руку выше.

Отчаянно пытаясь перехватить «отравленное» лекарство, Чжаохуай не рассчитал сил, подался вперед и кубарем повалился прямо в объятия князя.

Инь Чжуншань тут же опустил голову, не смея на это смотреть.

Тело под руками лекаря было горячим, точно огонь. Чжаохуай вздрогнул, в его глазах всё еще плескался испуг. Он замер, во все глаза глядя на Цзи Сюня.

Князь никогда не одевался подобающим образом — даже в такую стужу его ворот был распахнут, обнажая крепкую грудь и живот. От него исходила волна необоримой мужской силы.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Ванфэй...

Зрачки Чжаохуая дрогнули. В памяти мгновенно всплыли картины недавнего сна, где Цзи Сюнь целовал его в шею и с тихим смешком звал:

«Муженек»

Лицо юноши мгновенно залило густой краской.

Он в смятении оттолкнулся от груди Цзи Сюня, кое-как поднялся с кресла и, пытаясь поправить растрепавшуюся одежду, напустил на себя напускное спокойствие:

— Прошу прощения за дерзость... Но тот лекарь — обманщик. В его рецепте наверняка кроется подвох. В целях безопасности вам лучше не прикасаться к этому зелью.

— Самозванец? С чего Ванфэй это взял? — с интересом спросил Цзи Сюнь. — Шэньи Бай Цзи был лично привезен моими людьми из Линьбяня. Мы проверили всё, вплоть до мельчайших деталей, сомнений быть не может — это он.

Чжаохуай нахмурился:

— Его зовут Бай Цзи? Так и записано в реестре?

— Да.

— Тогда это точно обман, — юноша поправил покосившийся венец. Несколько прядей волос затрепетали на ветру, придавая ему вид умудренного опытом отшельника. Он чинно одернул рукава. — Вся Цзяннань знает, что Бай Цзи — это лишь прозвище лекаря, который всегда исчезает, исполнив свой долг. Если человек открыто пользуется этим именем как настоящим, разве можно ему доверять?

Цзи Сюнь, казалось, всё еще сомневался.

Чжаохуай недовольно поджал губы.

«Мало того, что он бесполезен в постели, так еще и упрям до невозможности»

— Кхм, — лекарь откашлялся и знаком велел Инь Чжуншаню принести ему стул. Усевшись поудобнее, он спросил: — И как же этот «Шэньи» объяснил недуг Ванье? Какой рецепт выписал?

Цзи Сюнь сидел вразвалку, небрежно откинувшись на спинку кресла и с усмешкой глядя на юношу:

— Шэньи сказал, что я годами принимал Порошок пяти минералов. Яд проник в кости. Чтобы исцелиться, мне нужна кровь «человека-лекарства» или... близость.

Чжаохуай холодно отозвался:

— Чуть несусветная. Разговоры о «людях-лекарствах» — пустые бредни. Использовать человеческую кровь в лечении — верх беззакония, это не имеет ничего общего с исцелением.

Цзи Сюнь вскинул бровь:

— Похоже, Ванфэй прекрасно разбирается в медицине?

— Мои предки со стороны матери были прославленными лекарями. Я с детства видел, как они врачуют, так что немного смыслю в этом деле, — Чжаохуай протянул руку. — Если Ванье не возражает, позвольте мне проверить ваш пульс?

Цзи Сюнь протянул запястье:

— Для меня это честь.

Чжаохуай со знанием дела прижал два пальца к запястью князя. Подержав их так некоторое время, он с легкой улыбкой посмотрел на мужа:

— У Ванъе безпульсовое состояние.

Глаза юноши лучились торжеством. Когда он говорил о медицине, в нем просыпалась необычайная живость, и он даже забыл скрывать свой линьяньский говор.

Сердце Цзи Сюня дрогнуло. Он притворился непонимающим:

— Безпульсовое состояние?

— Именно. На вашем запястье почти невозможно прощупать биение сердца, — Чжаохуай насмешливо прищурился. — Интересно, как же тот «Шэньи» сумел понять, что яд проник в кости?

У этого человека руки всегда были ледяными, а тело — пышущим жаром. Пульс был настолько слаб, что почти не ощущался. Чжаохуай заметил это еще тогда, когда в первый раз тайком проверял состояние Ванъе.

Цзи Сюнь искоса взглянул на Инь Чжуншаня.

Тот немедленно изобразил крайнее потрясение:

— Что?! Выходит, тот лекарь — фальшивка?! Неужели Чжоу Хуаня так легко обвели вокруг пальца?

— Именно так, — поспешно подтвердил Чжаохуай, обращаясь к командующему. — Чтобы лечить Ванъе, нужно сначала справиться с этим отсутствием пульса, иначе малейшая ошибка в дозе лекарства — хотя бы на йоту — лишит его жизни. Почему вы так беспечны? Неужели не проверили того человека как следует?

Инь Чжуншань с сокрушенным видом воскликнул:

— Ванфэй, вы поистине мудры! Если бы не ваше мастерство, мы бы точно пали жертвой заговора! Как же я виноват!

Цзи Сюнь промолчал.

Князь не выдержал этого представления и холодно глянул на подчиненного, давая понять, что пора заканчивать. Инь Чжуншань тут же смолк и почтительно склонил голову.

Чжаохуай, дождавшись наконец желаемой реакции, с надеждой посмотрел на мужа:

— Так что это лекарство пить нельзя. Я выпишу вам новый рецепт.

Голос юноши звучал чисто и мелодично, в нем слышалась мягкая забота. Он смотрел на князя столь пристально, будто во всем мире для него не существовало никого важнее.

Цзи Сюнь на миг словно забылся:

— Что?

— Я говорю об этом вареве, — Чжаохуай с бесконечным терпением указал на чашу. — Пить это запрещаю. Сначала я приготовлю снадобье для возвращения пульса. И от того лекарства, что пожаловал император, тоже придется отказаться.

— Хорошо, — кратко бросил Цзи Сюнь.

Чжаохуай удивленно моргнул. Он не ожидал, что вечно подозрительный Цзин-ван согласится так легко. Юноша думал, что придется потратить немало сил на уговоры.

Стоявший рядом Инь Чжуншань не удержался от замечания:

— Ванфэй, Ванье принимает это лекарство с тех самых пор, как получил ранение. Боюсь, бросить его в одночасье будет непросто.

— Ванье уже пробовал прекращать прием? — спросил Чжаохуай.

— Один раз, — лениво отозвался Цзи Сюнь. — Муки были невыносимыми. Я тогда чуть не убил Чжоу Хуаня.

Чжаохуай невольно охнул и с сочувствием произнес:

— Так вот когда он повредился рассудком?

Цзи Сюнь на мгновение лишился дара речи.

— Нет, — наконец холодно отрезал он. — У него с детства не хватало винтика в голове.

Чжаохуай страшно смутился и поспешил сменить тему:

— Ох... Ну, тогда Ванье придется связать. Нужно лишь перетерпеть первую ломку, и всё наладится.

Инь Чжуншань поспешно вмешался:

— Разве так можно? Ванфэй, прошу вас, подумайте еще раз.

— Будем делать так, как скажет Шэньи Бай Цзи, — спокойно произнес Цзи Сюнь.

«Шэньи» онемел от неожиданности.

«Он знает?!»

Чжаохуай хотел подтолкнуть Ванье к правде постепенно, чтобы тот сам всё выяснил. Он не ожидал, что его разоблачат так внезапно. Услышав свое прозвище из уст князя, он почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Юноша сглотнул, пытаясь унять дрожь в коленях, и постарался придать себе степенный вид:

— И когда же Ванье догадался?

Цзи Сюнь улыбнулся:

— Только что. Услышал ваши рассуждения, увидел ваше поразительное мастерство — и догадался.

Чжаохуай облегченно выдохнул, но тут же снова засомневался.

«Он ведь еще даже рецепта не видел! Просто пульс проверил — и уже "поразительное мастерство"? Неужели этот человек давно всё знал и просто водил меня за нос?»

Видя его сомнения, Цзи Сюнь мягко позвал:

— Шэньи?

Чу Чжаохуай тут же отбросил лишние мысли:

— Мои услуги стоят очень дорого. Если Ванъе не поскупится на серебро, я непременно избавлю вас от яда.

Цзи Сюнь рассмеялся:

— В таком случае, полагаюсь на вас.

Чжаохуай кашлянул:

— Ванъе, когда вы в прошлый раз пытались бросить лекарство... помимо боли, были ли еще какие-то симптомы?

— Рассудок затуманивается, начинаются видения. Единственное желание — получить дозу, — Цзи Сюнь внимательно наблюдал за тем, как юноша кивает, слушая его. Внезапно в его голове снова вспыхнуло странное беспокойство, и он добавил: — Я перестая узнавать людей и становлюсь кровожадным.

Чжаохуай, как и ожидалось, вздрогнул.

На губах князя заиграла едва заметная улыбка:

— Шэньи испугался?

— Н-нет, — Чжаохуай покачал головой. — Сначала я думал связать ваши руки и ноги шелковыми лентами. Но если ваша реакция столь ужасна, придется заказать цепи. Иначе я не рискну... кхм, мне будет лень подходить близко.

Цзи Сюнь замер. Он не ожидал, что лекарь не сбежит в ужасе, как другие.

Улыбка князя стала шире:

— Чжуншань, делай, как велит Шэньи.

Командующий с сокрушенным видом склонил голову. Ванъе годами допрашивал преступников в Чжаоюй, и цепи были для него привычным делом. Кто бы мог подумать, что однажды он испытает их на себе.

Чжаохуай облегченно вздохнул:

— А когда Ванъе обычно принимает лекарство?

— Раз в месяц, — буднично ответил Цзи Сюнь. — Как раз через три дня.

Чу Чжаохуай на мгновение замер.

«И надо же было выбрать именно тот день, когда я собираюсь встречать бога богатства и провожать призрака нищеты!»

Юноша уныло буркнул:

— Ясно. Тогда я пойду составлять рецепт. Сначала разберемся с пульсом.

— Хорошо.

Чжаохуай развернулся, чтобы уйти, но Цзи Сюнь, не сводя с него глаз, вдруг поймал его за левую руку.

Оба замерли.

Князь, обладавший изрядной долей бесстыдства, быстро пришел в себя. Он небрежно погладил запястье юноши там, где бился пульс, и как бы невзначай спросил:

— Почему Шэньи прилагает столько усилий и так рискует, чтобы спасти меня?

Тук. Тук.

Биение пульса, смешанное с ритмом сердца, передавалось кончикам пальцев Цзи Сюня сквозь тонкую кожу. Оно становилось всё быстрее и чаще.

Зрачки Чжаохуая на миг расширились, а затем медленно сузились. Он приоткрыл рот, но слова застряли в горле.

Улыбка Цзи Сюня стала еще шире:

— Скажите мне. Если это в моих силах, я непременно отплачу вам за спасение жизни. Я буду преданно служить вам.

Услышав такое из уст Ванъе, Чжаохуай невольно вздрогнул.

«Преданно служить... Неужели Цзи Сюнь способен на такие слова?»

Ресницы юноши затрепетали. Он спросил с недоверием:

— Правда?

— Мое слово твердо.

Получив обещание, Чжаохуай подошел ближе. Боязливо потянув князя за рукав и помедлив, он наконец набрался смелости:

— Если... если я избавлю вас от яда, сможет ли Ванъе найти способ отпустить меня обратно в Линъань?

Рука Цзи Сюня одеревенела.

Чжаохуай, заметив промелькнувшее на лице князя недовольство, в испуге отпрянул и пробормотал:

— Я... я просто к слову сказал.

На самом деле, у него не было других просьб.

Цзи Сюнь долго смотрел на него, а затем медленно улыбнулся:

— Хорошо.

Видя его улыбку, Чжаохуай просиял от радости:

— Тогда я немедленно иду писать рецепт!

С этими словами он вприпрыжку убежал.

Цзи Сюнь крикнул ему вслед:

— Беги помедленнее!

В ответ донеслось веселое:

— Помню!

Голос юноши звучал ликующе, точно он напевал песенку:

— Шэньи скоро поедет домой! Шэньи вернется домой!

Инь Чжуншань, украдкой поглядывая на господина, почуял, что тот не в духе. Он осторожно спросил:

— Ванъе, Ванфэй он...

Цзи Сюнь вертел в руках нефритовую чашу.

— Впредь зови его Шэньи.

— Слушаюсь, — ответил Инь Чжуншань. — Вы и вправду собираетесь отпустить его в Линьань?

Цзи Сюнь медленно наклонил чашу, выливая кисло-сладкий сливовый отвар в озеро. Темные капли с плеском падали в воду. Рыбка, которая ни за что не хотела клевать, теперь беспечно помахивала хвостом у самого берега.

Князь взгляделся в темную гладь пруда и внезапно усмехнулся.

«Как это возможно?»

«Разве может чистая вода, влившаяся в пруд, снова устремиться в бескрайний океан?»

<http://bllate.org/book/15341/1411882>